

Алексей Иванов

ТОБОЛ. Много званных

Роман-пеплум

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ**

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И17

Художник Андрей Фerez

Иванов, Алексей Викторович.

И17 Тобол. Много званных : [роман-пеплум] / Алексей Иванов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 702, [2] с. — (Новый Алексей Иванов).

ISBN 978-5-17-100420-0

В эпоху великих реформ Петра I «Россия молодая» закипела даже в дремучей Сибири. Нарождающаяся империя крушила в тайге воеводское средневековье. Народы и веры перемешались. Пленные шведы, бухарские купцы, офицеры и чиновники, каторжники, инородцы, летописцы и зодчие, китайские контрабандисты, беглые раскольники, шаманы, православные миссионеры и воинственные степняки джунгары — все они вместе, враждуя между собой или спасая друг друга, творили судьбу российской Азии. Эти обжигающие сюжеты Алексей Иванов сложил в роман-пеплум «Тобол».

«Тобол. Много званных» — первая книга романа.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-100420-0

© Иванов А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

ПРОЛОГ

МЕРТВЕЦ

Пьяный Пётр промахнулся ботфортом мимо стремени и едва не упал, но удержался за луку седла. Сашка Меншиков тотчас без колебаний рухнул коленями в лужу, поднял обеими руками заляпанную грязью пудовую ногу императора и вставил носком сапога в стремя, а потом, натужно хохотнув, посадил государя на лошадь. Лизетта, соловая кобыла, стояла смирно и лишь подрагивала хвостом — она и не такое видала. Пётр разбирал поводья. Меншиков незаметно от царя вытер ладони о шелковистый бок Лизетты.

Конечно, государь перебрал мальвазии на галере, пока вместе с Сашкой плыл от Адмиралтейства к причалу Троицкой набережной, но он всё равно бы напился — не на галере, так в Коммерц-коллегии у Апраксина. У Петра опять нестерпимо болел живот, словно дьявол сидел в брюхе и накручивал кишки на локоть. Пётр знал: эта боль заполнила бы всё тело и даже голову, а теперь хотя бы из головы её вытеснил дурной и тяжёлый хмель.

На адмиралтейские верфи Пётр ездил посмотреть, как идёт тимберовка «Леферма» — потрёпанного в боях фран-

пузского фрегата, который в Лондоне приглянулся Федьке Салтыкову, и Федька его купил. «Леферм» шесть лет ходил на Балтике, потом его перегнали в Петербург. На Неве с корабля сняли все пушки и мачты, две палубы, фальш-борты и обшивку выше ватерлинии, а корпус кабестанами выволокли на стапель. Деревянная туша фрегата, зияя пустотой между шпангоутов, покоилась на опорах-кильблоках под мелким ингерманландским дождём. Рядом с мокрой громадиной морского корабля Пётр чувствовал свою человеческую мелкоту. Величие корабля всегда по-юношески волновало его, даже теперь, когда терзала боль. Федосейка Склеяев, адмиралтейский строитель, устроил государю визитацию «Леферма». Петру приятно было видеть упрямое муравьиное копошение работы, густо облепившее фрегат: десятники орали и размахивали руками, грузчики поднимали на таях длинные тёсанные доски, плотники приколачивали бортовины, конопатчики стучали колотушками. На царя никто не обращал внимания.

С верфи Пётр отправился в Коммерц-коллегию, где его ждал граф Апраксин. По Неве государя везла сорокавёсельная шхерная галера. С её косых латинских парусов стекала вода. На открытой корме был установлен балдахин, и Сашка Меншиков угощал Петра обедом с мальвазией и музыкой. Холодный осенний ветер гнал по реке тугую волну, балдахин хлопал и махал кистями, задранную корму галеры обдавало порывами водяной пыли. Несчастных шведов-музыкантов мутило от качки, усатый скрипач порой проскальзывал смычком по струнам, и скрипка взвизгивала. Пётр пил из кубка и смотрел на просторную мрачную Неву: галеры, шлюпки, карбасы, плашкоуты с грудami мешков, вельботы, караваны барок, идущие с Ладоги, голландские шнявы, два новых фрегата с вьющимися на ветру флагами, длинные вереницы плотов с домиками плотогонов... С грузного прама, пришвартованного у Петропавловской крепости, бабахнули три

пушки: может, учения, а может, увидели на галере брейд-вымпел императора.

На дощатом пирсе Троицкой набережной Петра ожидал продрогший эскорт — адъютанты, вестовые, офицеры гвардии. Растрёпанные отсыревшие плюмажи торчали, как цветное сено. Подсаженный Меншиковым, Пётр с трудом взобрался в седло и оглянулся на галеру. Усатый скрипач-швед уже метнулся к борту и свесился над водой, раскорячив ноги: его тошнило.

Императорская кавалькада двинулась к зданию Коллегий.

— Сашка, поди поближе, — окликнул Пётр.

Меншиков сразу же подъехал, широко улыбаясь, словно ждал похвалы. Копыта лошадей чавкали по слякоти.

— Почто у тебя музыканты — шведы? — устало спросил Пётр. — Я же приказал: как заключим мир с королём Фредриком — всем пленным воля.

— У меня не шведы, государь, — тотчас отпёрся Сашка. — Я сих молодцев у Покровского монастыря в Пскове откупил.

— Думаешь, я русскую рожу от шведской не отличу?

— Не отличишь, государь, — убеждённо сказал Меншиков.

Пётр вытащил из-за отворота рукава исписанную бумагу, скомкал её и швырнул Сашке в плутовскую морду.

— Они мне жалобу сунули, когда ты за руль встал. Плачутся, что ты у них пашпорты в свой шкатул запер и держишь их тут незаконно.

Меншиков обиженно надулся.

— Ты сам в Сенате нам говорил не спешить шведов отпускать, ежели они мастерство знают!

— Так то про корабельщиков и оружейников сказано! — злобно рявкнул Пётр. — Не про твоих свистоплясов! Ради своей потехи ты императорским словом зад подтираешь?

— Прости, Алексеич, — виновато сказал Меншиков. Физиономия у него сразу стала несчастной. — Я думал, семеро бандуристов — велика ли беда?

Пётр только бессильно дёрнул лошадь за поводья.

Лизетта спотыкалась в грязи, и её рывки отзывались в животе Петра толчками тупой боли. Пётр уже осознал, что эта болезнь убьёт его. Не спасут ни амстердамские лекари, ни марциальные воды. Он видел немало смертей — в петле, от пыток, под топором палача, от осколков гранат, вспоровших тело. Он знал, что содержится внутри у человека, и у него внутри такие же потроха, как у всех. И он тоже умрёт, и довольно скоро, и ему было очень страшно превратиться в труп, как превращались многие знакомые ему люди. И всё же у него была надежда уцелеть, выкупить себя у бога.

Выкрутился же этот шельма — Сашка Меншиков. Три года назад Пётр хотел его судить за воровство и казнить, и Сашка от ужаса пал в перины и сам чуть не сдох. Он не притворялся, а по-настоящему захаркал кровью; его корёжило в припадках и трясло от лихоманки. Врач сказал, что у него «феба» в груди, и пора его соборовать. Пётр у одра простил грешного друга — и Сашка вдруг исцелился. И вот он опять рядом, и пьёт, и баб портит, и ворует.

Сашку исцелил он — царь, помазанник. А его самого исцелит царство. Империя. Он достроит свою империю, и бог его помилует. Империя — это фрегат, который увезёт его из болезни. Его спасение и награда. Пётр понимал, что верить в такое — наивно, однако надо же было во что-то верить. Вот мореплаватель Магелланус уверовал, что земля круглая, и поплыл на запад в неведомый простор, отказавшись поворачивать обратно: дескать, ежели вера его истинна, он вернётся домой с другой стороны мира, а ежели вера ложна, то пропадёт чёрт знает где. И он, Пётр, тоже как Магелланус.

Троицкая площадь была полна народу. Офицеры, чиновники, солдаты, извозчики, матросы, денщики, по-

сылльные... Разодетые иноземцы стояли на галерее аустеррии под большой вывеской с портретом Петра и курили трубки. В приземистом Троицком соборе шла служба. А железный купол собора — ржавый, заметил Пётр. Говорил же он Сашке поменять железо — и что?..

По периметру площадь окружали деревянные дворцы: Сенат, Синод, таможенное казначейство, коллегии. В центре — так, чтобы из всех казнённых окон было видно, — возвышалась виселица, и на ней висел растрёпанный полуистлевший мертвец. Булыжная вымостка на площади, набитая десять лет назад, уже пришла в негодность: зыбкая земля местами просела, булыжники выщербило из кладки, наводнения натащили грязь. Повсюду вольно распростёрлись размашистые бурые лужи, через которые там и сям были перекинута корабельные трапы. В глубоких выбоинах застряли несколько карет на больших и тонких колёсах. Кавалькада Петра еле продвигалась по колдобинам.

— Сашка, ты обещал к распутице брусчатку сделать, — сказал Пётр.

— Я на то четыре барки камня в Твери заготовил, — сразу пояснил Меншиков, — а они в гагаринском канале под Волочком на мелях застряли, никаким лядом не стащить. Пришлось до водополя ждать подъёма.

— Врёшь. Ты берег у своего дворца ими укрепил. Своё рвал, значит.

— Да я за всякую копейку душой клянусь! — загорячился Меншиков.

Пётр не ответил. Он угрюмо разглядывал мертвеца на виселице. Голова казнённого была свёрнута набок; чернели провалы глазниц, расклёванных вороньём; зияла гнилая дыра на месте рта; из тряпья, точно коряги, торчали распухшие чёрные руки и босые ноги. Уже и не узнать в этом адском чудовище бывшего человека. А ведь в прежние годы Пётр очень его уважал. Думал, что может опереться на его плечо — такой не предаст. Предал.

— Хочешь рядом с ним, Сашка? — Пётр кивнул на висельника.

— Я тебя накормил, Алексеич, опохмелил, а ты меня за горло, — опять обиделся Меншиков. — Не по-царски это.

Петру безразлична была обида Сашки. Меншиков — такой же вор, как этот висельник. Вся разница — что ещё живой.

— Знаешь, Сашка, чего желаю успеть, покуда меня бог не приберёт?

— Чего? — настороженно спросил Сашка.

— Тебя как его вздёрнуть. Ты же одной с ним породы. Все вы мне опаскудели. Вы хуже бородатых.

Меншиков смолчал, не ответил — слишком серьёзен был Пётр.

А Пётр думал, что он умирает, а его город засасывают чухонские хляби, а его империя нужна только ворами. Никуда его прекрасный фрегат не уплывёт из этой ижорской болотины, если его не спустить на большую воду. Пётр вспоминал «Леферм» на адмиралтейской верфи. Люди вроде Сашки Меншикова или того мертвеца на виселице — они будто кильблоки под «Лефермом». Фрегат нужно строить на кильблоках, но потом их надо убирать, вышибать из-под судна, иначе корабль не сойдёт со стапеля.

Пётр направил Лизетту прямо к висельнику. Меншиков опасливо ехал на шаг позади. Кавалькада следовала за императором в тихом недоумении: зачем государь двинулся к этой мерзости? Пётр приблизился к мертвецу, остановил лошадь, вытянул из седельной кобуры длинноствольный пистолет и толкнул повешенного в сырое заплесневелое колено.

— Босой висишь? — издеваясь, спросил он у покойника. — Сначала ты сам воровал, а теперь и с тебя сапоги украли.

Мертвец покачивался от толчка, словно не желал отвечать. Вдруг прокисшая верёвка лопнула, и мерт-

вещ рухнул. Он тяжело шлёпнулся в лужу под виселицей, плеснув грязью. Петра обдало смрадом разложения. Лизетта испуганно шарахнулась в сторону и тряхнула государя, так что он чуть не вывалился из седла. В животе у Петра бултыхнулась острая боль. Офицеры и гвардейцы эскорта мгновенно выхватили шпаги и палаши.

— Тихо, Лизет! — прохрипел Пётр, стукнув лошадь пистолетом по шее.

Болело. Болело. Болело. Пётр бросил пистолет на землю, кряхтя, слез с лошади и облокотился на седло. Когда стоишь, меньше режет... Сашка тоже спешился и подошёл к Петру с кожаной флягой в руке.

— Может, глотнёшь ренского? — с сочувствием спросил он.

Пётр повернулся, морщась, оттолкнул Меншикова, шагнул к мертвецу, лежащему в луже, и, не щадя себя, пнул покойника в бок.

— Ах ты иуда! — выдохнул он.

Движения разжигали боль, и Пётр яростно пнул мертвеца снова, а потом ещё и ещё. Мертвец дёргался в луже, словно был живой, а на виселице только притворялся мёртвым. Офицеры смотрели на государя с ужасом.

Боль раздирала внутренности, лицо Петра покрыла испарина. Меншиков мелко крестился. Пётр с ненавистью харкнул на мертвеца, вырвал из руки Меншикова флягу с вином и приложился к горлышку. Он уже не берёт себя. Он сам запрыгнул в седло, словно стал молодым и сильным, и оглянулся на свой эскорт.

— Сего изменника поднять и обратно на перекладину! — властно приказал он, указывая пальцем на труп посреди лужи. — Токмо теперь на железную цепь, дабы не истлела! И пусть три года висит всей державе для примера!

Офицеры эскорта выпрямились в сёдлах и, не находя слов, салютовали императору шпагами.

Пётр пришпорил кобылу и поскакал напрямик через площадь к зданию коллегий. Меншиков взлетел на коня и поспешил за государем. Мертвец остался лежать в луже под ингерманландским дождём. Его застывшая скрюченная рука торчала из грязи, будто мертвец благословлял императора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИШЕДШИЕ
И ВЗЯВШИЕ

ГЛАВА 1

ШЕСТВИЕ ПОБЕЖДЁННЫХ

Они шли на восток бесконечно долго. В заунывном однообразии пути можно было поверить, что земная твердь скоро незаметно пойдёт под уклон, и они, идущие на восток, потихоньку окажутся уже в пределах преисподней. Но преисподняя никак не начиналась. Впереди под тучами один за другим медленно проступали из холодной снежной мглы какие-то сизые горные хребты, и всё продолжалась, всё тянулась, всё не заканчивалась эта непомерная Россия, неизбывная и неотвратимая, как Страшный суд.

Туда, в бездны России, брели вереницы пленных шведов. Санные дороги ползли сквозь глухие и непробудные леса, катились по льду неизвестных рек. Хлестал вьюгами тоскливый март 1711 года. По заметённым трактам в Сибирь шагали подданные короля Карла XII. Король гордо называл себя последним викингом, но никакие викинги, ни первые, ни последние, никогда не забирались в такую немыслимую даль: в страны Гога и Магога, в царство псоглавцев, в гибельную Гиперборею, за пределы Ойкумены.

Среди пленных были безбровые от артиллерийского огня канониры, у которых под стенами Полтавы полопались перекалённые стрельбой орудия. Были рослые grenадеры, которые на дымных лугах Ворсклы расшвыряли во врагов все свои гранаты, а потом бежали, обезоруженные. Были иссечённые шрамами мушкетёры, которые на редутах отбивали русские атаки, воткнув длинные штыки-багинеты в горячие стволы мушкетов. Были усаые драгуны, у которых перед ретраншементом царя Петра картечью перебило лошадей. Были надменные офицеры, которые с поля боя отступили до берега Днепра и, наступив на переправе летучим русским корволантом, сдались, бросив свои шпаги под копыта казачьей конницы.

А ещё в Сибирь уходили обозники шведской армии. Они спасались бегством после поражения короля и увязли в болотах, заблудились в лесах. Это были повара, фуражиры, конюхи, лекари, писари провиантской службы, оружейники, фурманы, покинутые господами лакеи, цирюльники, бабёнки-маркитантки, солдатские жёны и вдовы, которым без войска некуда было приткнуться, полковые потаскухи, музыканты и карточные шулеры.

Их всех ждала Сибирь. В каморке московского Фельдт-комиссариата Табберту довелось-таки поговорить со старым графом Карлом Пипером, начальником королевской походной канцелярии, и граф, качая париком, грустно поведал, что их, каролинов разного калибра, в русском плену тысяч двадцать, а то и тридцать. Целая армия. И царь Пётр безжалостно отправил её осваивать дикие окраины своей неизмеримой державы.

Филипп Юхан Табберт фон Страленберг, капитан Померанского полка принцессы Ульрики Элеоноры, был отправлен на поселение в город Тобольск в составе команды из сотни военнопленных и десятка солдат конвоя. В зашитом кармане камзола Табберт нёс на груди рекомендательное письмо графа Пипера ольдерману шведской об-

щины в Тобольске — капитану Курту фон Вреху. Команда Табберта вышла из Москвы уже год назад; в мае 1710 года шведы добрались до города Вятки, он же — Хлынов, и застряли там до Рождества. Русские власти не выплатили конвойным солдатам жалованья, а шведский Фельдт-комиссариат не выслал пленным денежного содержания, обещанного королём и риксдагом. Ссылным и их охранникам оставалось просто сдохнуть с голода, поэтому они нанялись работать на пашни и покосы богатых монастырей Вятки. Осенью вятский комендант Степан Траханиотов нажаловался новому сибирскому губернатору князю Гагарину, что шведы не уходят в Тобольск, потому что у них и гроша на дорогу нет, а сидят в городе в съезжей избе и пьянствуют, поганцы, со своими нищими сторожами. Князь Гагарин был женат на дочери коменданта и внял жалобе тестя: прислал триста рублей на провиант и одежду — дал шведам в долг из своего кармана.

И вот теперь пленные шагали по ледяной дороге реки Вишеры, по старому Сибирскому тракту — так зимой было ближе до города Верхотурье. Табберт догадался, что эти покатые лесные кручи вокруг с заснеженными скалами на вершинах — легендарные Рифейские горы, о которых рассказывал Птолемей, только нет здесь ни мрачных киммерийцев, ни свирепых скифов. Здесь живут русские, а страна здешняя — окраина Великой Татарии.

Табберт оглядывал своих товарищей. Уже и не узнать воинов короля Карла. Лица тёмные, обветренные, распухшие от холода. Многодневная щетина. И солдаты, и офицеры одеты в русские обноски: рваные армяки, облезлые полушубки, зипуны и тулупы, у которых прорехи выворачиваются грязной овчиной наружу. Камзолы — под рваньём. Поверх чулок и коротких штанов-кюлотов надеты плотные крестьянские порты. Башмаки с медными пряжками все шведы давно обменяли на войлочные сапоги с кожаными подошвами. На головах — жуткие